

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a woman with long, dark, curly hair, seen from behind, standing on a dark wooden ledge and looking out of a large, multi-paned window. The window is divided into twelve rectangular panes. Each pane shows a different scene: a stormy sea, a hot air balloon, a sailing ship, a city at night, a full moon, and various landscapes. The woman's silhouette is dark against the lighter scenes in the window. On the ledge to the left of the woman, there is a small, ornate glass bottle. The entire scene is framed by a decorative, dark border with intricate scrollwork.

16+

Андрей Вонков

Я остаюсь,
Чтобы жить!

Андрей Звонков

Я остаюсь, чтобы жить!

«Автор»

2021

Звонков А.

Я остаюсь, чтобы жить! / А. Звонков — «Автор», 2021

Подобно халифу Гаруну Аль Рашиду из "Сказок 1000 и одной ночи", император Хуор Эленсаар любит один ходить в город. Только он не слушает, что о нем говорят в народе, все намного проще - он ищет женщину. Обычную женщину, которая ищет себе мужчину для "ночи без обязательств". Иначе скучно жить. Скука проходит, когда выясняется, что жить осталось не дольше двух суток, а планов невыполненных слишком много, и главное дело - оставить наследника. Но недаром говорят, что Эленсаары непревзойденные мастера игры, они просчитывают партию на много ходов вперед...

© Звонков А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

БИБЛИОГРАФИЯ	5
Часть 1. Запасной вариант	6
Глава 1. Шах королю	6
Глава 2. Проходная пешка	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Андрей Звонков

Я остаюсь, чтобы жить!

*Но я, я остаюсь.
Там, где мне хочется быть.
И пусть я немного боюсь,
Но я, я остаюсь.
Остаюсь, чтобы жить!
(А. Крутинов)*

БИБЛИОГРАФИЯ

ВОРОЖЕЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ АТРЕЛЛЫ
Я ОСТАЮСЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ!
АНАЛИЗЫ
ПОКА ЕДЕТ СКОРАЯ
НИКТО, КРОМЕ ВАС
НЕ ВРЕМЯ УМИРАТЬ
ЧУМНОЙ ПОЕЗД
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ
КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ
ГЕРОЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ. ФАТАЛИСТ XX
ПРОЕКТ А.К.С.О.Н.
КРОВАВЫЙ КОКТЕЙЛЬ
ПОКА ЕДЕТ СКОРАЯ 2-е издание

Повесть фэнтези из цикла «Хроники Арринда».

.

Часть 1. Запасной вариант

Глава 1. Шах королю

Лияра соскользнула с постели на пол. Я понял это по легкому свисту шелка, когда кожа сама будто шелковая скользит, не встречая сопротивления, ощутил движение и чуть-чуть приоткрыл веки. Наблюдал за ней, не меняя дыхания, пусть думает, что я сплю.

За окнами чуть розовело небо, и в комнате царил мягкий бархатный полумрак.

Ночная любовь моя подошла к высокому окну и сладко потянулась. Знает она, что я не сплю? Догадывается, чует? Вряд ли. Я старался не менять дыхания. Обнаженное тело ее мерцало в тающем лунном свете.

Лияра снова поднялась на цыпочки, вытянув руки вверх, будто перед броском в воду, еще раз потянулась от пяток до кончиков тонких длинных пальцев. Она смотрела на город, тускнеющие звезды, и портовые огни. А может, она ни на что не смотрела и стояла перед окном с закрытыми глазами?

О чем думают женщины после бурной ночи любви со случайным мужчиной? Эту загадку никому никогда не решить.

Высокая, гибкая, с густой гривой каштановых вьющихся волос, молодой упругой грудью и попой. А еще у нее крупные миндалевидные глаза необычного сиреневого цвета. Тут уж явно постарались маги-косметологи, наверняка сделали ей и брови, словно чуть приподнятые в удивлении, и прямой от самых бровей без ложбинок или горбинок узкий нос, не слишком толстые губы, чуть припухшие, как у ребенка, сходящийся к узкому подбородку овал лица. И ни одного намека на морщины, хотя мимикой ее боги не обидели. Не застывшее, как маска лицо, подобно тем, что так любят себе делать возрастные молодящиеся красавицы. Она действительно молода. И телом и душой!

Ей где-то между двадцатью двумя и двадцатью пятью. Но опыт?! Хотя чему я удивляюсь – постельный опыт набирается легко и быстро. Но она не шлюха. И дело не в том, что она совсем не похожа на портовую девку... скорее, наоборот, на богатую молодую скучающую вдову, которая ищет в портовом кабаке партнера на ночь, да такого, чтобы она могла забыть обо всех тревогах, хотя бы на эту ночь! Честно, я сегодня даже не рассчитывал встретить такую, как она. Мне просто хотелось, как и ей развлечься, сбросить груз накопившихся проблем. Почувствовать себя молодым и беззаботным.

Впрочем, вчера, когда я увидел ее в кабаке «Шхера» – об этом не думал. Мы только встретились глазами и через мгновение поняли все. Мы оба нашли то, что искали.

О чем она сейчас думает, глядя на просыпающийся город? Она явно не местная. Это слышно по ееговору. Любуется видом? Да мой город красив в любое время суток и года.

Я невольно усмехнулся и Лияра, видимо почуяла мое состояние, обернулась, нагнувшись через край кровати. Глаза ее жадно изучали мое лицо, руки упирались в постель, а груди чуть касались моей груди...

Я зажмурился, потому что она такая манящая, страстная...

Меня предал лучший друг...

Лияра перевела взгляд на возросший посреди шелковой глади холм, упершийся ей в живот, и хрипло рассмеялась.

– Ты не спишь! Ненасытный... Притворщик!

– С тобой поспишь... – хрипло проговорил я, ибо ни онемевший внезапно язык, ни губы толком не слушались, и каждый звук, проходя через горло, драл его словно щеткой. – Дай попить...

Лиара подняла кувшин с остатками кислого сока ягод клю.

– Так отхлебнешь или в бокал налить? – говорила она с еле заметным акцентом, характерным для северного Рипена. Все северяне четко выговаривают окончания слов.

– Так... мне только горло прополоскать, пересохло, а впрочем – налей...

Она протянула наполненный бокал.

Я принял сок, свободной рукой обнял красавицу за талию и привлек к себе. Она не сопротивляясь легла сверху. Ладонь моя соскользнула на прохладную ягодицу. Видимо Лиара ощутила жар, исходящий от руки. Тело отозвалось дрожью и...

Пустой бокал покатился по простыне, оставив еле заметную дорожку алых капель.

Она легла мне на грудь, свернув руки как кошка, под себя. Густые жесткие волосы накрыли мое лицо и защекотали кончик носа, я чихнул.

Лиара скатилась на простыню, положила голову мне на плечо и, подтянувшись губами к уху, куснула за мочку и прошептала:

– Ты бесподобный любовник, король, но ты уже мертвец.

Как удивительно, она сказала то же самое, что родилось в моем одурманенном страстью мозгу слово – бесподобно.

И вдруг ее слова обожгли мозг. «Но ты уже мертвец»!

Что она говорит?

– Умереть от любви – это ли не высшее наслаждение? – я постарался свести ее слова к шутке, не выдавая смутения, в которое привели меня ее слова.

Солнце уже заливало комнату. Это не королевские покои. Я не настолько глуп, чтобы раскрывать себя. Роль морского офицера – самая привычная.

– На моих губах – был яд, дорогой. – Сказала Лиара, вставая с кровати и поднимая раскиданную по комнате одежду. – Я отравила тебя. Еще вчера вечером, и сегодня ты за ночь слизал с моих губ столько яда, который был создан специально для тебя. Если бы я не совершила этого вчера, до того, пока не узнала тебя, сейчас бы уже не решилась... ты умеешь влюблять. Но, что сделано, то сделано и глупо сожалеть, я приехала, чтобы тебя убить и сделала это. Что будет дальше – мне безразлично.

Она принялась одеваться, пока я, приподнявшись на локте, тупо смотрел на нее. В чертах ее лица проступило отстраненное холодно формальное выражение. Будто галочку поставила в списке выполненных дел. Словно, только что она не стонала и не извивалась от страсти...

А между нами уже выростала невидимая и непреодолимая стена. Она там, а я тут...

– Глупость... зачем так шутить? – сказал я, – Во-первых, с чего ты взяла, что я – король? А если ты ошиблась? И я не тот, кого ты должна была отравить? А во-вторых – я ничего не чувствую... Зачем обманывать? А если ты не врешь – то ведь ты умрешь тоже! Зачем? – повторил я.

Удивленный ее спокойствием, я встал и тоже принялся одеваться.

– Если это розыгрыш, шутка, то глупая и жестокая.

Лиара взяла с туалетного столика миниатюрную коробочку с губной помадой и кинула на постель. Как раз на пятно от сока образовавшего символ из трех палочек соединенных посередине четвертой – древний символ ритуального жертвоприношения. Я тупо смотрел на коробочку и случайную картинку.

«В этом мире случайностей нет, и каждый шаг оставляет след...» всплыли в памяти слова старинной песенки...

– Отдай своим алхимикам, – произнесла она спокойно, – это медленный яд эленсаров. Специально для тебя. Мне он ничего не сделал. А вот ты умрешь через сорок восемь часов.

И я тоже умру, но немного раньше, – она непритворно вздохнула, – противоядия от него нет, любимый. Впрочем, может быть и есть, да вряд ли ты его быстро найдешь, – Она улыбнулась, но слово «любимый» вдруг прозвучало с нежностью и сожалением. – Как странно, еще вчера я тебя люто ненавидела... а сейчас радуюсь, что встречу после смерти. Не знаю, как тебе осознавать такое, но я надеюсь на это.

Лияра продолжила движение по комнате, собирая раскиданные вещи, совершенно обыденно, как делала это, наверное, в своем доме, а не в гостиничном номере. Застелила кровать. Она говорила, и я чувствовал ее тщательно скрываемое за болтовней волнение. Она все-таки жалеет о своем поступке.

Язык у меня по-прежнему был онемевший и говорить было трудно, поэтому я, молча, наблюдал за ней, сидя на кровати и натягивая нижнее белье. С каждым мгновением я убеждался, что она не шутит.

– Я не должна была тебе этого говорить, но... – Лияра затянула поясок на платье, пальцами уложила бюст, так, чтобы в вырезе оставалась соблазнительная ложбинка, и сказала, – но ты был так великолепен... на прощание подарил мне такую ночь, что я решила по-своему расплатиться – дать тебе двое суток на подведение итогов. И, честно говоря, еще мне немного приятно видеть, что тебе страшно умирать. А мне – нет.

Она достала из сумочки еще одну коробочку, я смотрел только на ее губы и глаза. Она не лгала... и страха на ее лице не было, но слова и поступок вызвали во мне какую-то детскую обиду, что прихлынула к сердцу.

За что? Она ведь не просто наемница, тут явно что-то личное... Не верю! Конечно, я не снимал с себя тяжести грехов, что совершил за бурную молодость и мое правление островной империей Эленсааров, но все-таки, что я лично ей сделал? Или тому, кто ее нанял? Ведь очевидно, что это личная месть, а не просто заказное убийство.

И я спросил:

– Кто же тебя нанял? Кому так нужна моя смерть? – вопрос глупый, но для любого человека вполне законный. У меня врагов – полмира. Абстрактных врагов, мечтающих, чтобы я умер, потому что они как раз ненавидят все, что связано со мной и моей Империей и убеждены, будто моя гибель способна что-то изменить.

– Ты не знаешь, – ответила Лияра, держа в пальцах черный шарик, – а точнее – вряд ли вспомнишь. Тебя заказала моя мать. – Она произнесла это спокойно. – Да упокоится с миром ее обиженная душа. Я исполнила ее завещание. Ты спросил, как я тебя узнала? Она очень хорошо описала твою внешность, ведь эленсары застыли в своем возрасте, ты совсем не изменился за полвека, а еще она рассказала про твой шрам от левой брови вдоль виска, – она помолчала, словно вспоминая, что еще должна сказать и вдруг произнесла скороговоркой: – Жертва Безутешной принесена! Прими меня, Нэре, в объятия свои!

Закончив ритуальную фразу, Лияра облегченно улыбнулась, поднося ко рту черную бусину...

Догадавшись, что это, я прыгнул к ней с места, через полкомнаты, стараясь выбить яд из ее рук... но она оказалась проворнее, закинула шарик в рот, надкусила, и, закатив глаза, упала вместе со мной.

Короткие судороги и все закончилось.

Коробочка выпала из ее мертвых рук, а черные шарики, словно порванные молитвенные четки раскатились по полу.

Я поднялся и тупо смотрел на прекрасное божественное тело, которое еще десять минут назад обнимал. На мертвое тело Лияры.

«Знаю, но не помню», Разум отказывался верить ее словам. Двое суток? Впрочем, всякое в мире бывает. И мне всякое довелось пережить. Не всегда же я был императором. Владетелем двух тысяч островов в Южном океане – хозяином морей.

Много лет назад отец отправил меня учиться на материк, в лучшую военную академию тогда еще молодой республики Рамбат, которая объединила три государства: Рипен, Регалат и Ханут.

Советники его отговаривали. Сыну императора учиться у республиканцев? Да он наберется там греховных учений о равноправии, может разрушить многовековую кастовую систему империи...

Отец настоял, что мы должны изучить потенциального противника изнутри. Империю может разрушить только сама империя. Ибо для любого государства нет страшнее врага, чем внутренний, чем хаос в умах его жителей. Если страну нельзя завоевать, ее можно отравить, как ядом различными идеями... идеи демократии в нашей стране считались губительными, ведущими к беспорядкам в мозгах, хаосу и разрухе. Но, чтобы противостоять врагу, нужно его изучить. И я изучал. Всегда считался отличным студентом.

Я подобрал с постели коробочку с помадой, обулся и поглядел на себя в зеркало: обычный морской волк. Даже на капитана не похож. Так, средний офицерский состав какого-нибудь фрегата. Загорелое лицо, правда, не обветрено и не просолено, как у настоящих моряков, зато шрамы вполне подходящие, а одежда? Коричневая кожа довольно дорогой выделки, но не слишком. Штаны, куртка, сапоги... под курткой обычная рубаша, какую носят морские офицеры и шкипера торговых судов, на мне нет никаких знаков различия. Рост? Мало ли высоких мужчин? А символ власти – золотую цепь с гербом Империи, я оставил во дворце, как всегда, когда выхожу в город инкогнито, и вроде бы без охраны.

Как короля меня знают совсем другим. Всякий раз, для официальных церемоний специалисты немного изменяют мое лицо, убирая шрамы, добавляют благородной солидности.

Во дворце живет двойник, который периодически появляется на балконе и машет рукой подданным.

Как могла Лиюра узнать во мне короля? Как она вычислила, что я король? Как она узнала, где я сегодня буду? Я поднял труп и перенес на кровать. Голова запрокинулась и с губ потекла желтоватая пеннистая вероятно ядовитая жидкость. Это удержало меня от прощального поцелуя.

Я запер двери комнаты на ключ и отправился домой во дворец.

Охрана, ночевавшая в харчевне при отеле, заметила меня проходящим через общий зал.

Не подавая виду, что ждали именно меня, трое «забулдыг» пристроились в кильватер, пока я, вроде как озабоченный службой моряк, шел по своим делам. Каждый из них легко может схватиться с пятеркой вооруженных до зубов наемников. Да и я не дурак подражаться, было бы с кем. Особенно сейчас. Настроение соответствует. Страшно, до темноты и звезд в зажмуренных глазах захотелось со всех сил засветить кому-нибудь по роже. Так сильно захотелось, что я крепко засадил кулаком по каменной кладке, укрепляющей землю на склоне горы от оползания. Боль немного привела в чувство, позволила взять себя в руки и продолжить движение вверх.

Охрана, видимо поняла мое настроение, потому держалась на приличном расстоянии. Если бы на меня сейчас напали, уверен, они бы не поспешили вмешиваться, дали бы мне возможность получить удовольствие, проломив пару черепов.

Ходит миф, будто эленсары не испытывают эмоций, это ложь. Просто мы умеем держать себя в руках и не терять рассудка в самых трудных обстоятельствах, но мы все чувствуем и оттого душевная боль становится только острее. А еще от того, что мы ничего никогда не забываем, чем почти не отличаемся от гендеров, однак, мы можем лукавить, а они – нет. Память – наше спасение и проклятие. И сейчас она меня берегла, не давая вспомнить, где я раньше мог видеть образ женщины, труп которой сейчас остывал на постели в портовом отеле.

Раннее утро. В этой части город еще спит. Все шумы в порту, но от дворцовой части его отгораживала отвесная двухсотметровая стена горы Саарме.

Мы вышли из квартала особняков торговцев, поднимаясь извилистыми улочками все выше и выше, и добрались, наконец, до стены парка, сложенной из зачарованных камней, скрывающих тайный проход в замок. И, пока охрана прикрывала меня от любопытных глаз случайных прохожих, которые могут появиться даже в такую рань, я нажал секретный рычаг, часть стены провалилась, и я шагнул в прохладную сырость перехода. Охрана же осталась там, на улице. Теперь им предстояло возвращаться в замок обычным путем вокруг вершины, на которой стоит мой замок. Через час придут.

Чем дальше удалялся я от отеля, тем призрачнее становились события ночи, но тем ярче рисовались последние минуты и мертвая Лиара, лежавшая на кровати...

А ведь я не поверил ей сразу. Не хотел верить. Да она отравилась... это аргумент. Зачем? Чтоб доказать мне истинность своих слов? Чтоб скрыть имя истинного заказчика? Если она и так отравлена вместе со мной, зачем ей нужно было принимать еще и быстрый яд? Значит, есть что-то, что она хотела сохранить в тайне. Что? Она ведь знает, что есть спецы, которые и из мертвых могут добыть тайные знания... она была уверена, что я не пойду на это.

Впрочем, все это уже не важно. Она не должна была умереть... потому что я не хотел и не хочу этого.

Я двигался в кромешной темноте, в тишине вязли шаги.

Смерть красавицы потрясла. Все показалось бессмысленно. Дико. На ней ведь не было татуировок или знаков сообщества наемных убийц. Значит, это была личная месть...

Много ли желающих? Не сосчитать. Враги и обиженные есть у любого человека.

Со свода капала вода и стекала по лицу, но я не замечал.

Дойдя до конца, я толкнулся руками в запертую дверь, нащупал рычажки, и она отворилась, пропуская меня в библиотеку замка. Задвинув стеллаж с книгами, я остановился и осмотрелся, приводя мысли в порядок.

Правда ли, нет ли...

У меня осталось двое суток, из которых шесть часов я предавался любовным утехам.

Сорок два часа. Если Лиара не лжет.

А она не лгала, я это понял точно. Вряд ли яд имеет такую точность, но двое суток, неважно, чуть больше или чуть меньше – это катастрофически мало.

Что-то случилось со мной. Дыхание сбилось, в груди заломило, к горлу подкатил жгучий ком и я опустил на колени, а из глаз потекли слезы.

Шок, в котором я пребывал с момента смерти девушки – нашел выход.

Король плачет. О чем, о ком?

Ведь официально она – убийца. Но мне ее было жалко.

Возможно ли ждать смерти каждый день? Никто не скажет «да». От такого люди сходят с ума. Я знал, что рано или поздно покушение удастся. Теперь это произошло. Но как бы ни был я силен духом, мне было тяжело. Я ненавижу смерть. Я слишком хорошо понимаю, как цена любая жизнь. Я ненавижу убийц, потому что я знаю, как легко умирают. Чтобы ни говорили жрецы о жизни после смерти, о бессмертии духа и продолжении жизни личности в памяти потомков.

Смерть это грань. Все, что мог создать, совершить человек он делает это пока жив. Поэтому жизнь – самое ценное, что у нас есть. После жизни идет честь. Жить с честью, и умереть с честью. Вот искусство. А Лиара... что сделала она?

Мне было обидно и стыдно за нее. Глупая мечта – непременно убить обидчика. Величайшее искусство – простить, не многие на это способны. Чего она добилась? Если отставить все, что сопутствовало ее поступку. Соблазнить врага, насладится сексом с ним и затем убить... это поведение насекомого. Совокупиться и откусить партнеру голову!

А ведь я ее почти полюбил. Почти...

Нет! Назад дороги нет... Теперь только вперед и очень быстро...

Король не имеет права на слабость... он – власть, он – сила, он – символ государства. Он связь между своим народом и Богами.

Но я – человек. Да я – Эленсаар, но я живой еще человек.

А смерть, она всегда смерть – страшная, гнусная, обидная. Она никогда не будет красивой. Она не бывает красивой. Все это – поэтические метафоры, для оправдания героической смерти, самопожертвования. Я – повидал смерть. Любые заявления, что «на миру и смерть красна» – тупое вранье. Позерство.

Я плачу второй раз в жизни, в моей взрослой жизни. Детские слезы не в счет. В тот первый раз я готов был убить себя, и меня удержали... в этот раз меня убивают, а я плачу о смерти девушки...

Злая память воскресила последние часы и минуты.

Она присела за мой столик и приняла от меня бокал с рубиновым вином – знак, что она согласна на продолжение отношений. Я спросил, будет ли она ужинать, и она сказала, что позже, лучше в номере. Ее глаза не сходили с моего лица, будто ощупывали его, а я не мог понять, что она испытывает при этом?

Губы ее блестели, в глазах разгорался огонь желания и страсти. Я не торопился, чай не юноша уже... но душевное пламя уже захватило нас обоих, отдав распоряжение официанту, занести ужин в номер, я поспешил увести ее в снятые апартаменты еще и потому, что кожей спины и затылка ощущал завистливые взгляды посетителей «Шхеры» и моих телохранителей.

Как только щелкнул язычок замка мы оба словно обезумели...

Я целовал ее незнакомую, обольстительную, распуская ремешки и шнурочки на платье, покрывал поцелуями каждый участок ее обнажающегося тела, мои руки горели... сердце рвалось из груди... она запрокидывала голову, откидывая волосы от шеи, позволяя целовать, и звонко смеялась. Я добрался до груди и обезумел... небесная красота, божественное тело...

Мы не слышали стука в дверь, его поглотило наше дыхание и стоны.

– Как зовут тебя? – спросил я, когда мы устали и впервые взяли небольшую передышку.

– Зачем тебе мое имя? Блуд не повод для знакомства, я же не спрашиваю твое... – ответила она, смеясь. – Разве тебе мало меня?»

Она права.

– И все-таки, я хочу знать твое имя, – настоял я.

И она, притягивая меня к себе, прикасаясь губами к моим губам, прошептала:

– Твое желание закон? Лияра!

Сознание вернулось в текущее время.

Глаза мои высохли.

Я поднялся с колен. Зачем я ходил в порт? Найти себе женщину на ночь. Просто такую же скучающую женщину или шлюху, прейскурант которой набит татуировкой на спине, чтобы вечно торопящиеся морячки могли изучать расценки за все услуги, не отрываясь при этом от дела.

Нашел. Лияру. Чистое, лишенное даже родинок тело.

Уже слышу голос мудрого Редрика:

– Не королевское это дело – по кабакам шлюх собирать!

Что я ему скажу, что я всем скажу? У меня сорок два, нет уже сорок часов... Я должен, что я должен?

Должен успеть.

Допустим, она действительно отравила меня. Я должен узнать – за что, и как она меня нашла? Мне станет легче? Да, мне станет легче. Но главное – кто ей помогал? Настоящий враг где-то рядом. Я обидел мать Лияры? Так смертельно обидел, что иного способа отомстить мне,

кроме убийства – она не нашла? Глупая девочка... глупая. Что ж, я рисковал и получил то, к чему шел.

Я подергал шнур звонка.

Мгновенно явился дежурный офицер охраны.

– Слушаю, Ваше величество!

Я протянул ему коробочку с помадой.

– Отнеси это алхимикам. Пускай выяснят – что там. И передай Редрику, что я у себя.

Офицер отдал честь, забрал коробочку и исчез. Хорошо, что он это делал молча. Не хочу никого слышать. Любой звук раздражает меня. В ушах еще звучат ее частое дыхание и стоны. А ладони помнят ее тело.

Я осмотрел полки с книгами. Зачем? Действие автоматическое, потому что я люблю книги. Но сегодня я смотрел на старых друзей, которые никогда не предадут. Наверное, я это делаю последний раз. Семейная библиотека Эленсааров. Сотни тысяч томов. Древнейшие рукописи и трактаты. Кому теперь вся эта мудрость достанется? Я должен решить – кому.

Я дошел до своего кабинета, привычным жестом ответил на приветствие караула у покоев. Король отдал честь офицерам охраны. Обычно проходил, не замечая. Я не смотрел на их лица. Последний парад?

Рано еще открывать кингстоны. Рано.

На стене табло. Я давно велел моим умельцам его изготовить. И те постарались. Обратный календарь Хуора Эленсаара. На полированном камне светится число 45074 – дни. Сто двадцать три года, восемь месяцев и десять дней. Вот сколько мне еще жить. Таков удел Эленсааров. Жить двести лет и умирать молодыми, полностью истощив ресурс.

Я еще не стар. Совсем не стар. Мне всего лишь семьдесят семь лет, а выгляжу я на тридцать. И до самой смерти мой организм замер на возрасте тридцать лет. Теперь моя жизнь укоротилась на сто двадцать три года, восемь месяцев и восемь дней. Смотрю на табло. Оно не знает о моей скорой смерти. Мертвый, настроенный на обратный отсчет механизм... напоминание.

Я подошел к окну и раздвинул шторы. Солнце уже поднялось над морем. Шум прибоя не доносится до замка, а звуки города и порта остались по другую сторону. Ветер залетел в распахнутое окно и пошевелил волосы. Сквозняк. Я обернулся. В кабинет вошел Рэдрик. Мой старый добрый друг. Слово «старый» не годится для пятидесятилетнего мужчины. Но он не Эленсаар. Он не знает срока своей смерти. Это привилегия династии королей. Когда-то, тысячи лет назад наша семья пришла на эти острова. Откуда? Предки стерли эти данные из архивов... Откуда взялись Эленсаары как народ? Как и все разнообразие человеческих рас Арринда – из Харанда.

Дожил ли кто-нибудь до срока? Большинство. Болезни редки среди нас. Отец. Да. Отец умер, как и было рассчитано. В 200 летний день своего рождения. Час в час. Брат? Если бы не брат... не был бы я сейчас королем... Брат был старше меня на восемьдесят пять лет. Первенец. Отец еще не был королем, когда он родился. И уже был – когда родился я. От его последней жены. Между мной и братом была и есть – наша сестра – Анита-Амра.

Отец ее выдал замуж за герцога Лиды. Лидийского владыку. Но она, как и мы эленсар. Правда, она – женщина. Надо сказать, выдал по любви, а не по родословной. Герцог приезжал в Империю с посольством и влюбился в сестренку. Сам-то он эленсаром не был. И Анита недавно овдовела. В Лиде нет жесткого закона наследования по мужской линии. Сынок ее растет, а мамаша правит страной не хуже мужа.

Но женщины-эленсары менее устойчивы к болезням и более эмоциональны. Поэтому они по древнему закону не могут наследовать правление нашей Империей.

По закону, я не могу передать трон и ее малолетнему сыну, а ее назначить регентшей, до его совершеннолетия. Он не эленсар, в нем уже нет нашей крови и нашей способности знать срок своей смерти. Все, что она может – принять на несколько месяцев правление Империей, пока не будет найден мой прямой потомок – бастард. У Эрика детей не было.

Идеально было бы, что преемник должен быть коронован еще до моей смерти. А вот это, при условии, что я действительно отравлен – проблематично, учитывая, что официально я одинок и бездетен. По закону, я не могу даже изменить закон, только обязан его выполнять. И сейчас главная загадка, для тех, кто знает о моей скорой смерти – как я его выполняю? Кто станет править страной?

Истинный заказчик моей смерти рассчитывает, что лишившись династии, империя погрузится в хаос. И не безосновательно считает так. Враги уже давно ведут подрывную работу в стране. Смерть Лияры – сигнал для них, значит, ее нужно сохранить в тайне. На какое-то время.

Редрик кашлянул.

– Что с тобой, мой король? Ты на себя не похож.

Я вздрогнул. Задумчивость не к лицу владыке. Да, Анита – это хорошее решение, но у нее свое герцогство и своя функция в этой истории, бросить герцогство на полгода... непростое решение.

Надо отправить за сестрой корабль?

Корабль... это двое суток полного хода для самого быстрого судна до Хабига – порта Лиды, сутки как минимум ей понадобятся на сборы и еще двое суток, итого, почти неделя... Я уже буду мертв. Она не успеет даже на похороны. А могил у нашей семьи нет – точнее одна и это мировой океан. Я повернулся к Рэдрику.

Но корабли бывают разные.

– Что? – осознание вопроса пришло чуть позже. – Да. Так. Задумался.

Не умею я врать. А Рэдрик слишком хороший друг, чтобы его обманывать.

– Вот что. – Я положил на стол ключ от номера из отеля. – Сделай так: в апартаментах, что снял капитан Эленкорт, ты найдешь на постели труп девушки, нужно без шума и главное – незаметно доставить его лекарям – я хочу знать о ней все. Но никто не должен пока узнать, что она умерла. Это очень важно!

Рэдрик изменился в лице. Он кое-что понял.

– Тебя хотели убить? – друг мучительно скривился, – Ну, я же предупреждал тебя! Ну, почему ты никогда меня не слушаешь?

– Хватит скулить. Рэд. Все уже в прошлом. Я жив и сейчас здесь. А она там и мертва. Сделай, как я сказал. Я должен до обеда знать о ней все. Кто она, откуда, как попала на остров, с кем встречалась? Ее имя. – я запнулся, – да, узнай ее полное имя. – раздражение, видимо, проскочило в моих словах. – Ты же знаешь, что я никогда не ошибаюсь... почти, никогда. Я не верю, что она действовала сама и одна.

Рэдрик стал по стойке «смирно».

– Слушаюсь! Что еще прикажете, ваше величество?

Ну вот, обиделся. Редрик не служит во дворце, хотя как у любого мужчины на острове у него есть воинское звание, должность в гвардии в случае мобилизации при военной угрозе. Сейчас его служба гораздо важнее – друг короля. Человек для особых поручений, советник и советчик, мое человеческое эго, моя душа.

– Ну, не надо, – Я обнял его, – не надо. У меня сегодня трудный день. А она действительно хотела меня убить. Не первая, не последняя... Я жив, давай этому радоваться?!

– Может, объяснишь, что произошло? Ты ее убил?

Я покачал головой.

– Нет, она убила себя сама – отравилась.

– Нормальное дело, – кивнул Рэдрик, – это обычная практика, чтоб не выдать заказчика. Унаемников свой кодекс чести.

– Она сказала, кто заказчик. Тут ты не прав.

– Да ну? И кто же?

– Ее мать.

Рэдрик удивленно выкатил нижнюю губу.

– А кто ее мать? Я ее знаю?

Тут я развел руками.

– Вряд ли. Я ума не приложу, кто это, но меня она знает. Знала, ненавидела настолько, что завещала своей дочери убить меня. Представляешь?

– Ну, ты хоть получил, чего хотел? – подмигнул Редрик, – сходил-то не зря?

– Пошляк! – я не хотел обсуждать прошедшую ночь даже с другом. – Не надо.

– Ладно, я пошел выполнять. За обедом обсудим, – сказал дружище Рэдрик, отходя к двери, – время есть. Тебе, наверное, стоит отдохнуть, поспи.

За ним закрылась дверь. А я усмехнулся. Поспи... поспишь тут. Рэд вышел, а я, повинуясь порыву нахлынувшего бешенства, сорвал со стены камень с цифрами и запустил в окно. Мне совсем не стало легче. Нужно работать. Правда это или нет, теперь нужно работать! Так, будто это правда. Это мои учения. Мои... испытания. Когда знаешь сроки, работать легче. Нет, легче себя заставить работать.

Глава 2. Проходная пешка

Курьера с письмом Аните я отправил сразу, как только ушел Рэд. Но это официально и долго. В письме ничего существенного, справляюсь о здоровье и приглашаю на семейное торжество. Это письмо попадет на глаза вражеской разведке. Нужно еще организовать депешу, но очень быстро и секретно. Обдумываю, как это сделать. Вариантов несколько, но нельзя прибегать к магии. Отследят очень быстро.

Я заканчивал писать план реформ, когда вошел дежурный и доложил:

– К вам, магистр Фигула, Ваше величество.

Время: девять утра. Быстро он. Молодец.

– Пропусти!

Фигула Старгер – глава алхимиков Империи, профессор университета Саарме. Ровесник Рэдрика. Выбрит до блеска, или зельем каким мажет макушку, чтоб волосы выпадали и не росли. Фигула пришел в ослепительно белом рабочем балахоне, в руках держит лист, на лице глубокая задумчивость.

Я не вытерпел.

– Ну, говори! Что там?

Нет, он, все-таки, подошел к столу и протянул лист. Я пробежал глазами:

1. Ореховое масло

2. Пигмент улитки тыр-быр-фыр,

3. экстракт коры дерева какого-хрен-поймешь,

Заключение: Состав не содержит токсичных веществ.

Что это значит? Лияра все-таки солгала? Пугала меня? А чего хотела? Отравиться у меня на глазах? Нет, помада... ее убежденность. Тот, кто ее навел на меня и дал помаду, решил пошутить?

– Это что, шутка?

– Никак нет, Ваше величество, – это обычная губная помада. Довольно дорогая, судя по ингредиентам. На рынке в порту такая коробочка стоит примерно одну золотую монету – Лит. Ее привозят из Норскола, улиток и кору добывают только там. Там и производство.

– Ого!

– А что вы ожидали в ней обнаружить?

– Мне сказали, что помаде медленный яд. Специально для меня, – белесые брови на лице алхимика полезли на лоб. Он пискнул, а я спросил: – Неужели ничего нет?

Фигула промокнул платком лысину.

– Ваше величество, химического или растительного мы ничего не нашли. А вы знаете, нет такого яда, чтоб его невозможно было обнаружить. Хотя следы, хоть что...

– Покажите баночку магам. – На лице алхимика промелькнула гримаска. – Не надо! Не надо гримасничать, Фигула! Мне ваши симпатии-антипатии... – Я удержался от грубого слова и стукнул кулаком по столу. – Сейчас Вам доставят труп девушки. Я хочу, чтоб вы с магами ее исследовали досконально и доложили мне! Бросьте все силы на это дело. Даю час на выяснение! Подключите главного лекаря Империи Атреллу Браго. Я должен знать и понимать все.

Эта маленькая женщина, Атрелла Браго – профессор медицины, настоящая жемчужина в короне моей Империи.

Боги прислали ее мне тридцать лет назад вместе с мужем беженцами из Рамбата по политическим мотивам. Попросили убежища на аудиенции. Я согласился. Такие уникалы прибыли – грех отказываться. Только безумцы, прагматики нэреиты, захватившие власть в Рамбате, могут бросаться такими гениями.

К сожалению, все мои «жемчужины» – ученые и специалисты экстра-класса оказались страшно ревнивы к славе друг друг. Стоит одного выделить, похвалить и куда прятаться от шептунов? Хорошо, хоть доносы не строчат друг на друга. Не поощряю я этого.

Фигула удалился.

Снова вошел дежурный офицер.

– Ваше величество ждут в зале.

Ах... забыл. Впервые в жизни, что-то забыл. Тренировка, два часа. А зачем она мне теперь? Отменить? Нет. Никто ничего не должен знать. Нет бедствия страшнее, чем паника. Лияра действительно сделала королевский по щедрости подарок.

Тренировка закончилась через полчаса.

– Ваше величество сегодня вы бились хуже, чем вчера. – Тренер говорил, чуть опустив глаза, и вся фигура его выражала уважение. – Я слышал, вы провели бессонную ночь?

Вот трепачи! Все трепачи! Ну да... да... я... что я? Я ходил сегодня в порт, как и в другие дни. Сволочи, все сволочи и болтуны.

– Раньше ты меня не упрекал за это. – Я судорожно ловил ниточку памяти, – Полковник Барреда.

– Раньше ваше Величество не показывали столь скверных результатов на тренировке. – Тренер меня огорчил, а я никак не мог восстановить дыхание.

– Так плохо?

Он поклонился.

– Раньше вы меня не подпускали так близко. Вы устали?

– Да... что-то мне неважно, Барреда.

– Давайте, отложим на завтра?

– Пожалуй, так будет правильно.

Я отдал мечи подбежавшим ассистентам и на ватных ногах направился в бассейн.

Проходя мимо зеркала в раздевалке, увидел поседевшего мужчину... Рэдрика? нет, не его... там был я, только выглядел как Рэд... на все пятьдесят. Вот оно! Действие яда.

Я разделся и прыгнул в бассейн. Вода приняла меня, выбросила на поверхность. В несколько гребков я выплыл на середину и лег на воду, глядя на прозрачные квадраты купола и бирюзовое небо. Она не лгала. Отрава есть и работает. Что-то мне скажут маги и алхимики?

В бассейне появился Рэдрик, присел на бортик.

– Король! – я не переворачиваясь, на спине поплыл к нему.

– Рассказывай.

– Девушка лежала, как ты и сказал. Мы упаковали ее в мешок для белья и на тележке прачки вывезли из отеля, потом погрузили на повозку...

– Может быть, ты мне каждый камень на мостовой, попавший под ваши колеса, пересчитаешь? Вас никто не видел? Короче! Кто она? – мне все тяжелее скрывать напряжение и раздражение.

Рэдрик замолчал, видимо перематывая в памяти приготовленное повествование до того момента, когда нужно было рассказывать о Лияре.

– Ее зовут, звали, Лиярвениза Аль Фахрадина... – он заглянул в карточку регистрации в порту, – Саланго, Ар Сияддин – это ученое звание.

– Она – раджаска? – смутная догадка забрезжила на краешке сознания.

– По рождению да, асахи, асахайка, из касты раджасов. А по гражданству, – он снова поглядел в карточку, – Республика Рамбат. Цель прибытия на Саармэ – наука.

Я перевернулся в воде и уцепился за край бассейна.

– Какая наука? Любви? Так она – профессор! Она не похожа на асахайку. Я бы допустил, что она из центрального Рипена.

– Нет, мой король, в документах указано – место рождения: Хабиг из Лиды. Но гражданка Рамбата, по матери асахи. Она изучает бабочек, насекомых... Ты ведь бывал в Рамбате? Я слышал, ты учился в молодости там? Знаешь университет в Белизе?

– Да кто его не знает? Военная академия была там же. Потом ее перевели в Ивинсол, после моего выпуска.

– Верно... Вот она – преподаватель из этого самого университета, – Рэдрик поглядел снова в карточку и запнулся... – Ты знаешь, сколько ей лет?

– Двадцать-двадцать пять... – выдал я свое предположение.

– Сорок четыре. – Я погрузился с головой... вот-так да... я вынырнул.

– Сильна стала магия лекарей!

Рэдрик усмехнулся.

– Труп я передал Фигуле и Атрелле Браго, они уже копаются в кишочках...

– Замолчи!

– Молчу.

Я задумался над сказанным. Вылез из воды, вытерся и принялся надевать приготовленную чистую одежду – льняную рубашу и штаны. Что мне сказать Рэдрику? Само собой, я должен ему рассказать об отравлении, но не сейчас. Он молча наблюдает за мной.

– Ты неважно выглядишь, Хуор, – сказал он. – Безумные ночи любви должны заряжать энергией и молодостью, а ты словно постарел. Я ж говорю – тебе нужно выспаться.

– На том свете высплусь, – пошутил я, и, только произнеся фразу, ощутил насколько истинен ее мрачный смысл.

Я поманил Реда за собой и вернулся в кабинет, где уже не отсчитывались дни, оставшейся моей жизни. Мой друг, кажется, не заметил пропажи.

У дверей караульный офицер протянул мне пенал с письмом.

– Корреспонденция, Ваше величество. Содержимое проверили на токсичность.

Я взял письмо, осмотрел цилиндр, кроме надписи: Королю Хуору Эленсаару – лично. Ничего.

– Кто принес?

– Ваш адъютант!

– Позови!

С письмом в руках я прошел к себе. Рэдрик следовал за мной, заглядывая за плечо и изучая его издали.

Я не спешил раскрыть цилиндр, осмотрел его и обнаружил печать отеля. Значит, письмо пришло действительно не почтой.

Вошел адъютант. Парень – лет двадцати. Выпускник Сааремского университета. Когда его распределили ко мне, как доложили из деканата – парень сильно расстроился. Ничего. Я лучше знаю, что ему нужно. Гениев в экономике и так хватает. Этот парень нужен мне. А то, что гражданскую службу пришлось заменить на военную – так в гвардии не служба, а курорт!

– Кто доставил письмо?

– Рассыльный гостиницы «Фьорд», Ваше величество, – адъютант побледнел. Он всегда бледнеет, когда я к нему обращаюсь, от этого огненная шевелюра его становится просто пламенеющей.

– Диппочту отправили? – спросил я, чтоб сменить тему.

– Так точно! Рейдер отошел полтора часа назад.

Я взял лист из пачки на столе и написал распоряжение для Фогта Саббата – начальника тайной полиции. Сложив пополам, протянул адъютанту.

– Передашь, кому указано, немедленно и лично. Можешь идти, я позову, когда будешь нужен. – Секретарь взял листок, поклонился и ушел. Никак не изживет гражданские манеры.

Я уселся за стол у окна, так что свет шел слева, пригласил Рэдрика занять место напротив. Осторожно вскрыл цилиндр с письмом, вытряхнул скрученные листки, оболочку отдал Рэдрику – изучать, а листки расправил и придавил гранитным пресс-папье.

– Видимо, «Фьорд» это гостиница, где она остановилась.

Рэдрик кивнул.

– Да, так указано в регистрационной карточке порта. Она забронировала номер две недели назад.

– Когда она прибыла на остров?

– Вчера утром, на Лидийском транспорте «Хариб». Документы, видимо были в порядке, ее сразу пропустили в город.

Я не читая послания, внимательно поглядел на Редрика.

– Выходит, дамочка – лихая баба... была уверена, что именно вчера встретит меня?

– Не факт, что была уверена... но факт, что встретила.

– Ты веришь, что наша встреча была случайной?

– Ни на минутку... очевидно, что все спланировано, только вот с отравлением у нее ничего не вышло, оттого она и покончила с собой.

Я промолчал.

– Думаю, ее кто-то встречал, – сказал я.

– Фьорд и кабака Шхера, где ты ее снял – на разных концах острова.

– В смысле?

– В прямом.

– У нее точно есть информатор на острове. Тот, кто встретил ее, и тот, кто точно знал, что я вечером выйду в город.

Теперь Рэдрик уставился на меня.

– Хочешь сказать, что в замке есть предатель?

– Это очевидно. Резидентуру Рамбата на островах мы знаем на девяносто процентов. Наверняка, из оставшихся десяти есть и кое-кто среди служащих дворца. Как она смогла узнать меня? Откуда она знала, что я пойду снимать проститутку именно в этот кабака именно сегодня? В порту три десятка вполне приличных харчевен с номерами! Поселилась то она на другом конце города! Значит, тогда она еще не знала точно, куда ей придется прийти.

Рэдрик пожал плечами.

– Очень притянута, действительно. Не нужно быть эленсаром, Хуор, чтобы понять это. Если предположить, что ее встречали, и встречающий знал, что ты пойдешь в город вечером, то почему ее не поселили именно там же?

– Значит, встречавший не знал, куда я пойду. Но узнав, как-то сумел сообщить ей. Вот что, Рэд, составь мне список всех, кто был в курсе вчерашней прогулки. – Я поглядел на часы. Десять утра. Еще четыре часа моей жизни улетело. Я поднял распрямившиеся листки.

«Сын Ажгара»¹

Если ты читаешь это письмо, значит, я уже мертва, а ты скоро умрешь следом за мной. План моей матери удался. Ты, конечно, забыл о ней. Зачем королю помнить о всяких «букашках»? О девках, которые нужны ему лишь для одного – постельной радости. Понятное дело, ты – эленсар, знающий срок своей смерти. Биологической смерти.

Кто моя мать? Одна из 127 выживших в бойне, которую ты устроил пятьдесят пять лет назад во время Асахайской войны. Она поклялась отомстить тебе за все 12000 смертей юных раджасов, за кровь на твоих руках. Однажды она попыталась это сделать, но неудачно, оставив лишь шрам на твоем лбу. Она очень хорошо описала тебя – убийца Хуор. За полвека

¹ Ажгар (рип), Азгар, Шах-хар(хар), Шагар, Жугада(Ханут) – демон смерти царства богини Нэре, привратник, пожиратель грешных душ.

ты нисколько не изменился, и мне не составило труда опознать. Привычки твои тоже не изменились. Ты все также вечерами бродишь по кабакам в поисках развлечений. Найти майора Эленкорта, как тебя называли в Рипене, или инженера Эленсаара, как тебя стали называть в Лиде, где ты строил плотину на Пронге... уж тем более императора Хуора первого Эленсаара – было нелегко. Но я нашла. Нашла и отомстила.

Ты, конечно уже отдал помаду для изучения алхимикам, и те лихорадочно ищут противоядие. Напрасный труд. Этот яд сделан специально для Эленсааров. И теперь ты стареешь, только очень быстро... завтра к вечеру ты превратишься в трухлявый пенек, в импотента, и сдохнешь. Твои лекари, вероятно, глумятся над моим трупом... мне все равно. Я уже с мамой в царстве Безутешной Нэре, и мы обе счастливы, что ты не доживешь до своего двухсотлетия, что ты не свершишь громады своих планов и, главное – ты умрешь, не оставив наследника! Будь ты проклят!

Лиярвениза аль Фахрадина.

P.S. Да! Одну коробочку этой помады я послала герцогине Лидийской – Аните-Амра. Верные люди передадут, будто бы от тебя. И пусть напоследок тебя обжигает понимание, что она тоже не доживет до своего двухсотлетия!

Смерть всем Эленсаарам!»

Я положил письмо на стол. Я все вспомнил.

Рэдрик, увидав мое лицо, протянул руку за письмом.

– Можно?

– Читай. – Я отдал листки. Рэдрик принял письмо, читал несколько минут, а я устался слепыми, от внезапно набежавших слез, глазами в окно... Память моя... идеальная память. Хотел бы забыть – да не забудется.

Пятьдесят пять лет... все было как вчера. Мне двадцать один год, я выпускник Высшей военной школы в Белизе – третьем крупном городе Рипена – республики, в последствии объединившейся с другими в Рамбат. Белизская высшая военная школа – академия.

Курсант Эленкорт – отличник боевой подготовки. Артиллерист. Да, моя военная специальность – артиллерия. Баллисты и катапульты, паровые и пружинные. На сжатом воздухе и перегретом паре – самых разных систем. У меня прекрасная память, я произвожу вычисления углов и баллистических траекторий за секунды в уме. Я держу в памяти все данные орудий.

Асахайская война из разряда гражданских, быстро не могла закончиться. Небольшой народ Асахи – асахайцы или асаги – в горах на северо-востоке Рипена. Независимый и гордый. Долгое время асахи считали себя независимым народом, хотя Рипен всегда полагал их своими жителями. Это недоразумение длилось веками, пока, после заключения очередного договора о спорных территориях по большому рипенскому хребту – Асахай окончательно отошел к Рипену.

Они не пожелали покориться. Главным аргументом был религиозный конфликт: асахи – отказались от поклонения двум Богам – Литу и Нэре, объявив, что бог – один, невидим, неназываем и довольно ревнив. И можно было бы не обращать на это внимания, молитесь вы, как хотите и кому хотите, однако они ведь решили доказывать всем истинность своей веры, а все, кто не признает этого – неверные и недостойны жить пред Богом единым и в свете его любви и строгости.

Они объявили, что не станут платить податей неверным. Религиозные фанатики – раджасы убивали сборщиков налогов, отрезали им головы и отправляли посылки в финансовое управление. Кроме этого они объявили войну республике Рипен и захватили пять приграничных городов, мечами принудив жителей принять новую веру.

Это война мышей против кошек. Чего они добились? Что армия Рипена вышла уговорить распоясавшихся религиозных безумцев.

Выпускник, лейтенант Эленкорт, принял батарею и так хорошо воевал при осаде Фадра – небольшого городка в горах Дор что после захвата города, был вызван в ставку Верховного главнокомандующего, награжден орденом «Офицерской доблести третьей степени!» произведен в звание майора и командира артдивизиона, а это 300 орудий и полторы тысячи единиц прислуги. Я получил маленькую армию и предписание передислоцироваться в распоряжение 3 армии. Главное в наградном листе было отмечено, что «в результате моих бомбардировок не пострадал ни один гражданский объект!».

У меня был порученец из солдат добровольцев, студент-филолог. После того, как раджасы повырезали половину взрослого населения захваченных городов, особенно жрецов обеих конфессий, на мобилизационные пункты хлынул поток молодых людей, желающих отомстить за гибель родных.

Смышленный малый шестнадцати лет. Как его звали? Серик... да Серик Оорт. На марше мы шли через перевал, чтоб сократить время на десять дней. Асахайский перевал имеет два рукава: верхний и нижний, верхний короче и шире, нижний длиннее и уже. Я приказал идти верхом. Огибая кряж, мы поднялись и вышли в небольшую долину – передовой отряд обнаружил крепость в скалах. На карте моей ничего такого отмечено не было. Над башней развивался черно-зеленый с золотым шитьем флаг народа Асахи. Боевая крепость? Разведанных о ней ни у кого, никаких.

Если бы не этот флаг, я, вероятно, прошел бы мимо, не останавливаясь.

Боевое знамя потребовало разбирательства. Доложить начальству, что я прошел мимо боевого объекта противника и не отреагировал, не выяснил, что это – получить репутацию беспечного дурака, который оставляет в тылу у себя явных диверсантов.

Секретный объект раджасов?

Я послал разведку в поисках местных жителей: пастухов или охотников, и одновременно отправил двух парламентариев с предложением сдаться. Увы, день прошел впустую, никого мои разведчики не нашли.

Армия Рипена теснила противника в долине. За перевалом расположилась главная крепость раджасов – Крэкс, осажденная третьей армией. За Крексом открывалась дорога в проклятые земли Харанда. А точнее это был конец пути, ибо в аду не живут.

И вот еще обнаружился какой-то странный объект в горах. Кто там? На что им надеяться в этом гнезде? Я со своими математическими мозгами не мог допустить, то, что допускали предводители восставших: ни один военачальник не пойдет верхней дорогой, если есть нижняя! Нижний рукав хоть и длиннее и уже – но ровнее и не так крут. Конечно, армия растянется на сутки и даже больше, но она меньше устанет, к тому же вода рядом, которая так нужна и людям и коням.

А я пошел!

Парламентарии мои не вернулись. Из-за крепостной стены вылетел мешок с их головами. Кроме этого там был кусок козьей шкуры с безграмотной надписью на старохарандском: «Вы все умрете ни верные сыны Азгара!».

Уговоры кончились. Я отдал приказ «К атаке!». Орудия расположились полукругом и тремя рядами. Мы обстреливали эту крепость весь день до сумерек – двенадцать часов, в надежде, что там найдется хоть одна трезвая голова, которая спустит боевое знамя и поднимет сигнал о сдаче.

Полдня они огрызались. Их снаряды не долетали даже до первой линии моих батарей. От ударов тяжелых орудий дрожала земля. К вечеру я дал команду прекратить. Серик, изучавший

в университете язык и культуру народа Асахи, возбужденно уговаривал отпустить его на переговоры. Он был уверен, что сумеет убедить этих фанатиков сдаться. Меня мучили сомнения. Я уже собирался послать окончательное предложение о сдаче в том же мешке, в котором получил головы моих парламентариев, а Серик уже летел к воротам крепости с красным вымпелом переговорщика.

Лошадь его вернулась меньше чем через час, волоча за собой его труп истыканный стрелами.

С этого момента бомбардировка крепости не прекращалась трое суток ни на минуту. Мы собрали все подходящие валуны. И уже когда от ее стен и фортов осталась лишь гора дробленого камня, командиры и вся оружейная прислуга пошли на приступ.

Мне, конечно, хотелось отомстить за Серика... Я ждал, что уцелевшие защитники крепости выйдут в рукопашную... но не вышел никто. Мы принялись разбирать завалы, складывая трупы перед крепостью на лугу. Из взрослых мы насчитали семьдесят четыре старика и пятьдесят старух, семьсот женских трупов, остальные были мальчишки и девчонки не старше тринадцати-четырнадцати лет. Мы нашли уцелевших десятилетних девочек и мальчиков с малышами и младенцами в подвалах, куда добрались к исходу третьих суток. Я этого не видел. Меня связали и положили в обозе, отобрав при этом все оружие.

В тот день я плакал первый раз в жизни. Я проклинал себя и войну и Асахайских фанатиков... Друзья-офицеры напоили меня вусмерть... трупы сожгли по нэреитскому обряду, жрецов искать было негде и некогда, чтобы молитвенным обрядом отправить в ее царство. На гладком монолите выделявшемся из скал, я приказал написать: *«Здесь погибли, но не сдались двенадцать тысяч детей народа Асахи, вечная память упрямым»*.

Выживших детей обозом отправили в комиссию по перемещенным лицам. Помню, отрезав немного, я стоял, глядя на повозки с детьми... одна девочка из старших подбежала ко мне, плюнула и что-то гневно кричала, явно проклиная.

Добравшись до 3-й армии, я подал отчет, следом рапорт об отставке. Меня рвало при одном воспоминании о бойне, которую сам же устроил.

Предводители раджасов Асахи, узнав о гибели «горного гнезда» разом покончили с собой. Война закончилась за два дня, после моего прибытия в расположение армии.

Торжествовали победу недолго. Нашлись обиженные и правозащитники. Они всегда появляются, когда заканчиваются боевые действия.

Они берут на себя право судить тех, кто рисковал собой и определять меру ответственности за каждое решение. Воевать их нет – но вот потом решать, кто прав, а кто нет, это они всегда первые!

Майор Эленкорт, не выполнив в точности приказ, погубил гражданских и детей!

И эти же деятели, до жидкого поноса боявшиеся фанатичных раджасов, пропихнули законопроект о ликвидации вообще такой республики – Асахи, принудительно выселив и развеяв по миру целую нацию. Только, чтобы никто, нигде и никогда снова не образовал подобного единства в вере и образе жизни.

Народу асахи запрещено селиться и создавать места компактного проживания. Им запрещено также отправлять религиозные обряды противоречащие законам республики. Однако, желая, видимо, сгладить вину перед малым народом, меня судили. Как военного преступника. Приговор прозвучал странно: «За невыполнение приказа, самовольное вступление в боевые действия без приказа руководства, использование имущества армии Рипена в личных целях: лишить майора Эленкорта званий и орденов, как опозорившего честь офицера и изгнать из страны». Странно, ведь я к тому моменту уже два года был в отставке, но находился под домашним арестом. Приговор принял с равнодушием. Учитывая, что никаких репрессий и задержаний ко мне не применили, наоборот – остракизм, я уехал в Лиду, куда меня пригласила сестра, и там, довольно долго занимался строительством плотин на горных реках.

Строительство промышленных объектов и гидротехнические установки – моя гражданская специальность. После работы я обычно шел в корчму, там обязательно находилась смазливенькая девица не отягощенная целью непременно выйти замуж, но охотница до любовных удовольствий.

Так прошло одиннадцать лет. Менялись места работы, объекты, проекты, менялись и подружки.

Однажды, от сестры прибыл порученец и привез письмо, в котором сообщалось, что наш брат тяжело болен, и мне надлежит немедленно выехать домой в империю, на Саармэ.

Эрик пятый Эленсаар – император-ученый. Он занимался... я даже не могу толком объяснить, чем он точно занимался. Что-то связанное с высокими энергиями и пространством. Мы с ним мало общались, пока я был молод, потом я уехал в Рипен. В те недолгие периоды общения в семье на Саармэ, я узнал, что Эрика очень волновал утраченный секрет мгновенных перемещений, широко используемый в древнем Харанде и он все силы свои положил на изучение принципов сопряжения пространств.

Я отправил необходимые письма руководству строительства, и в тот же вечер в деревенской корчме встретил чернобровую горянку лет двадцати. Мы пили за мой отъезд. Она танцевала, аккомпанируя себе колокольчиками на ногах и руках, поддерживая ритм ударами в небольшой бубен... она танцевала для меня! Помнится, захмелев, я обнял ее за талию и спросил:

– А со мной станцуешь? Давай, кто кого!?

Она кивнула и потащила за собой в круг между столами. Посетители корчмы хлопали, а мы танцевали. Она крутилась вокруг меня. Это было соревнование, кто истощится скорее? Откуда ей было знать, что Эленсаары не устают. Мы двужилые, стожилые... и конечно, она повалилась мне на руки, а я, получив награду, понес ее к себе в комнату под одобрительный хохот и аплодисменты посетителей корчмы.

Она отдалась добровольно, я бы даже сказал – с удовольствием, и, лежа рядом со мной, она спросила на ломаном лидийском:

– Ты будешь мой замуж?

Я отодвинулся и покачал головой.

– Нет... мне не нужна жена... – я ждал слез. Чего угодно. Но она вдруг взвилась, оседлала меня, и чудом я перехватил ее руку с кинжалом, уже рвущем кожу на лбу и виске, я откинул ее. А она рычала и шипела как дикая кошка, не решаясь снова напасть:

– Ты умрешь, неверный! Убийца! Ты умрешь, будь прокляты!

Я отобрал у нее кинжал. Кое-как перевязал раненую голову. Собрал вещи и ушел. Через сутки я уже был в порту, а еще через неделю прибыл на Саармэ. Я даже не знаю, как ее звали, ту мстительную маленькую танцовщицу.

На месте «Горного гнезда» и большого погребального кострасейчас мемориал.

А имя Хуор у представителей народа асахи означает – демон. Как мне потом рассказали, у них ходит легенда, будто демон смерти Ажгар вселился в Хуора – меня, чтобы погубить весь народ асахи, который выбрал свою особую веру. Чушь, конечно.

Понятно, почему письмо начинается с обращения: «Сын Ажгара!».

Значит танцовщица и девочка-раджаска из крепости – это один человек – мать Лияры? И тут меня словно подбросило. Ну, конечно – это она! Рэдрик, положивший письмо на стол, удивленно выпучил глаза. Я ничего не успел сказать. Вошел дежурный офицер гвардии.

– К вам магистр Фигула, Атрелла Браго и Легир Арахенский, ваше величество!

Вовремя, ничего не скажешь.

– Пропусти! – Я скатал письмо и засунул обратно в пенал. Рэд теперь знает о том, что я отравлен. По его поведению, было заметно, что он рвется еще что-то спросить, но я, глядя на входящих, только приложил палец к губам и качнул головой «не надо».

Магистр Фигула и глава магов Легир, вошли первыми. За их спинами скрывалась величайший врач империи – Атрелла Браго. Меня умиляла ее манера все время от меня прятаться. Где бы мы ни встречались.

Невероятной скромности и душевной красоты женщина. Она была совсем не в моем вкусе, но из уважения к ее уникальным способностям я невольно оказывал ей знаки внимания, когда встречались на приемах во дворце или на совещаниях правительства, куда приглашали экспертов-специалистов.

И каждый раз она краснела и отводила глаза. Тайну этих смущений мне однажды достоверно раскрыл ее муж – Орингаст Браго, который немного уступал мне в росте. Она обожала высоких мужчин и как все женщины, не считавшие себя красавицами, легко становилась жертвой комплиментов.

Только вот мне она куда нужнее была в роли врача, а не любовницы. Да и Орингаст – бывший офицер войск специального назначения и разведки Рамбата – порядочный и незаслуженно пострадавший человек. Сейчас получал пенсию и преподавал военную историю в школе мальчишкам и девочкам острова Дорн.

Я указал вошедшим профессорам на кресла у стола и осведомился:

– Ну, господа специалисты, что вам удалось выяснить?

Фигула взял слово первым, видно, они так заранее уговорились.

– Когда вы, ваше величество, распорядились показать помаду магам, вы были как всегда совершенно правы. Помада действительно отравлена. Но о свойствах этого яда уважаемый Легир расскажет лучше меня.

Я перевел внимание на мага, но боковым зрением наблюдал за Рэдриком. Тот с момента прочтения письма сделался суетлив, и пока маг не начал докладывать, он быстро проговорил:

– Я вас покину, ваше величество?

Я кивнул. Насчет верности старого друга у меня сомнений не было, однако стало любопытно, что он задумал?

Рэдрик выскочил из кабинета.

Легир разложил перед собой листки.

– Ваше величество, в коробочке с помадой яда как такового в привычном смысле – нет. Для простых людей она абсолютно безвредна. Ореховое масло, составляющее основу помады, зачаровано исключительно на кровь Эленсааров таким образом, что фактор, стабилизирующий процесс старения, особое вещество в каждой клетке вашего организма – разрушается, а само старение многократно ускоряется.

Фигула кивнул, и тут в его глазах загорелось понимание. Я жестом остановил его порыв.

Что ж, вот все и подтвердилось официально. Легир замолчал, глядя на меня. А Фигула, понявший, молчал, как я приказал.

– Да, уважаемые, меня отравили. – Я проговорил это спокойно и с некоторой усмешкой. Только давайте без ненужных эмоций... все слова приберегите для похорон. У меня не так много времени, чтоб тратить его на эмоции. Что вы можете доложить по девушке?

Первой вышла из ступора Атрелла и принялась рассказывать:

– Начну с того, что эта женщина – эленсар. Ее биологический возраст не соответствует фактическому. Состояние ее органов соответствует примерно двадцати пяти – тридцати годам. В крови ее еще сохранились остатки фактора стабилизирующего старение. Фактически: она отравлена была дважды: сперва, ядом из помады и потом – быстрым ядом растительного происхождения – слевзики. Это растение широко распространено на землях империи. Шарики с этим ядом можно купить на рынке в порту, моряки его используют для выведения крыс в трюмах. Яд слевзики относится к блокаторам всей мускулатуры, включая мышцы дыхания и сердца. Действует за минуту-две.

Я кивнул.

– Вы ее вскрывали?

– Вы знаете, что мне это не нужно, но судебная экспертиза требует протокола вскрытия, – ответила Атрелла.

Детский звонкий голос профессора невольно вызывал на моих губах улыбку. Как она читает лекции студентам? Те, наверное, хохочут. Атрелла продолжала:

– При вскрытии зафиксировано, что девушка была тяжело больна.

Я насторожился.

– Поподробнее! Выходит, что она сама не знала, что эленсар?

– Вполне возможно. В мире немало бастардов-эленсаров, которые не знают о своем происхождении. Тайна отца для них часто раскрывается не сразу, а после тридцати-сорока лет. – Атрелла объясняла спокойно, – У нее в очень тяжелой форме развивался рак крови, ваше величество, если бы она не отравилась, она умерла бы через пару месяцев и это никак не связано с ее родословной, скорее с профессией и использованием токсичных веществ для консервации насекомых. Я не сторонница легкой смерти в любом виде, но должна признать, что смерть от болезни ее была бы очень мучительной.

– А вы могли бы ее спасти?

– Весьма возможно. – Признала свою уникальность профессор Браго. – Но врачей моего уровня на материке сейчас может не быть. Профессор Орзмунд – мой отец, умер год назад, его друг профессор Анколиме исчез уже давно. Других, способных взяться за такое лечение, я не знаю. Вероятно, ее еще и убедили в неизлечимости болезни, иначе, зачем было принимать такое решение?

Я понял. Понял очень многое. Лиюра – кукла, марионетка... мой враг дергал ее за невидимые ниточки. Асахи, кровная месть и неминуемая скорая смерть – такие удобные инструменты.

Специалисты чуть не хором обратились:

– Ваше величество, позвольте нам попытаться спасти вас?!

Я усмехнулся.

– Валяйте. Что от меня нужно?

– Ваша кровь, – сказал Фигула, доставая из кармана балахона стеклянный цилиндр, в котором каталось несколько прозрачных капель.

Я засучил рукав, скрутив его жгутом, и несколько раз качнул кулаком, протянул алхимику. Он приложил цилиндр крышкой к руке, щелчок – в сосуд ударила тонкая багровая струя, рассыпавшаяся алым бисером по стенкам. Когда сосуд наполнился, еще раз щелкнуло, Фигула положил колбочку с кровью на стол, осмотрел место инъекции. Там остался маленький кружок от присоски.

– Все нормально, – сказал я, опуская рукав. – Колдуйте.

Атрелла приложила пальцы к моей руке, но ничего обнадеживающего на ее лице я не увидел.

– Безднадежен?

Она покачала головой.

– Вы просто стареете, как обычный человек. Может быть чуть-чуть быстрее. Это неприятно, наверное. Но остановить это я не могу, я же не маг. В лучшем случае, вы станете выглядеть на свой реальный возраст.

Я позвонил в колокольчик. Вошел дежурный офицер.

– Адьютанта, живо! И распорядитесь подготовить мою яхту. – Я поглядел на специалистов. – Магистры Фигула, Легир и профессор Браго останутся в замке под домашним арестом. – Те аж подпрыгнули. Атрелла попыталась сказать что-то, но я прервал их: – До особого распоряжения. – Я их успокоил, – не волнуйтесь, друзья мои, это на сутки, максимум – двое.

Офицер отдал честь и вышел.

– Значит так, господа специалисты, вы знаете больше, чем мне бы хотелось. Но в том нет вашей вины. Побудете в замке до моей смерти, я не хочу, чтоб информация об отравлении раньше срока растеклась по островам. Тайна эта имеет важное стратегическое значение для безопасности империи.

Маг, лекарка и алхимик удалились.

Доложил адъютант, что прибыл начальник тайной полиции. Подчиняясь протоколу, адъютант перечислял звание и должность его, я взмахом руки остановил доклад.

– Сынок, сядь тут, – я указал на еще теплое от зада алхимика кресло. – Если ты думаешь, что у меня ранний склероз, и мне нужно напоминать в каком звании и как зовут начальника моей контрразведки, то ты ошибся. – Парень опять побледнел. Я достал из стола бутылку Салийского два бокала и открывалку. – Займись-ка, – и, пока адъютант открывал и наливал, обратился к главному контрразведчику империи.

– Что вам удалось выяснить о ней?

Генерал Саббат очень неприметная скромная личность, не садясь, принялся докладывать:

– Особа, связи и знакомства которой вы поручили нам установить, прибыла на Саармэ вчера в час по полудни, на лидийском транспортном судне «Хариб». Согласно сопроводительным документам, она – исследователь насекомых, сотрудник Вализского университета, откомандирована в Саармэ для отлова бабочек на островах Халанского архипелага, что на юго-западе империи.

– Посреди учебного года? – засомневался я.

– Я тоже удивился, но как мне объяснили наши специалисты, у этих тварей короткий период вегетации – размножения, они вылупятся из куколок через три дня, неделю будут спариваться, завалят своими яйцами все острова, после чего разом сдохнут. Трупы и яйца являются частью пищевой цепи, каких-то птиц и рыб, населяющих океан в этом районе...

Я кивнул. Все логично. Ученая дамочка едет в мою империю – ловить редких бабочек, останавливается на сутки на моем острове, встречается меня, узнает, травит, травится сама, при этом, будучи смертельно больной, перед тем как встретить меня, пишет и оставляет письмо на мое имя, с точным указанием утром отправить его во дворец не почтой, а с посыльным. То есть еще до нашей встречи она знала, что мы встретимся, и она меня наверняка отравит.

План составлен заранее. Но что-то во всей этой истории не укладывается. Хорошо, она живет – не тужит у себя в Рамбате, ее фанатичная мамаша накрутила ей мозги насчет кровной мести, но она не торопится ее исполнять, пока... пока не узнала, что сама смертельно больна? Или у нее не было яда? Или вообще что? А, может быть, у нее не было плана... У меня сложилось стойкое ощущение, что ее будто повели за руку. В таком случае – кто повел?

– Хорошо. Дальше? – я взял один бокал поставил его перед генералом, жестом пригласил его сесть. – С кем она встречалась?

Генерал взял бокал, не садясь, поднес к губам.

– Офицеры пьют стоя! За здоровье вашего величества!

– Тогда и я встану, – сказал я, поднимая бокал, – Замечательный тост.

Мы отпили по полбокала. Генерал, наконец, сел.

– Официально – ни с кем. Но один из наших общих знакомых оказывался в тех же местах, где была она, как бы случайно.

– Хорошо, Саббат, и кто же он?

Генерал положил передо мной листок со списком. Я пробежался по именам, должностям, уперся взглядом в знакомое имя, обведенное в рамочку.

– Уверен?

– Так точно, ваше величество, имеются свидетели, рапорта.

– А подробнее?

– Он был в порту во время прибытия транспорта, мы его не допрашивали пока (я вздохнул), потом он около часа что-то искал на рынке, как мы выяснили – купил кое-какие украшения, якобы для любовницы, коробку крысиного яда – на соке слезвики.

Женщина остановилась в гостинице «Фиорд», он тоже там был, бронировал для себя и любовницы номер. Второй раз он зашел в отел Фьорд вечером. Сидел в харчевне. Она там ужинала. После чего она переделась и вышла в город, в таверне «Шхера» возле грузового порта встретила с высоким мужчиной, снявшем номер в отеле «Саармэ» под именем капитана Эленкорта.

Я кашлянул и перевел тему опять на вероятного шпиона: Саббат, наверное, сейчас обескуражен. Не надо его недооценивать. Сейчас он Лияру считает моим агентом, который помог мне найти резидента в замке. Пусть так и считает.

– Надеюсь, вы не делали обыска в его жилище? – генерал отвел глаза. – Я был о вас лучшего мнения, Саббат.

– Все сделали очень аккуратно, ваше величество. Мы б не решились без вашего распоряжения, но приобретение им яда насторожило. Кстати, по результатам осмотра выяснились весьма любопытные вещи.

Адъютант мой заскучал, но старался не подавать виду. Я остановил жестом Саббата, на листочке написал записку, протянул ее адъютанту.

– Держи. У пятого пирса стоит моя яхта уже под парами. Лети стрелой. Яхта тебя доставит на Раавен, записку отдай матери. Дальше следуй ее указаниям, она все поймет. Ты меня понял? – адъютант снова побледнел, кивнул, но тут же исправился, вскочив смирно, отрапортовал:

– Так точно, понял, ваше величество. Разрешите выполнять?

– Давай! Только помни, задание особой важности и очень секретное.

Преисполненный осознанием важности своей миссии, мой личный помощник

– Продолжим, Саббат. Какие же вещи выяснились?

– На входной двери были установлены так называемые «флажки», вы знаете, что это? – генерал собрался мне объяснять, я махнул рукой. – Тайные метки, оставляемые жильцом – никакой магии, но ясно показывают хозяину – были ли незваные гости в доме, пока он отсутствовал.

– Знаю. «Флажки» законом не запрещены. Что дальше?

– Не запрещены, да, но сам факт подозрителен. Три флажка на входе. Внутренние двери тоже помечены. В прихожей установлена любопытная штука – счетчик незнакомцев.

– То есть?

– Да, такая вот коробочка с цифрами, как только новый человек входит в дом делает плюс один.

– И где он ее взял?

– Как мы узнали, эти счетчики были заказаны сетью магазинов с простой целью – считать новых посетителей. Выпускают их мастерские при академии магов. Студенты подрабатывают.

– Опять все – легитимно. Но вас-то он сосчитал! Как же выкрутились?

Генерал смущенно улыбнулся.

– Да, в общем, просто. Купили точно такую же, поставили на входе на КПП гарнизона замка и прогнали три роты. Как только число сравнялось с нужным, установили в его прихожей.

Я кивнул, улыбнувшись. Представил себе эту картину. Самое простое решение – самое верное.

– Это все странности?

– Нет. Мы нашли у него шифровальную доску.

Я знаю такие штуки. Шифровальная доска относится к изобретению магов Рамбата, а те слизнули идею еще из артефактов древнего Харанда. Когда я учился в академии и служил в их армии, мы широко пользовались такими досками. Накладываешь на нее обычный лист, пишешь донесение, потом на краю доски выставляешь ключ, выдаваемый особым отделом каждый день – текст на листе меняется на зашифрованный. Прочсть можно на такой же доске, если знаешь ключ. Расколоть такую шифровку без магии невозможно. На взлом дается одна попытка. Если не удалось прочсть – все. Даже доска не поможет – шифровка просто уничтожается в труху.

– А вот это уже улика! – я оживился. – Надеюсь, вы не наследили?

– Мы очень старались, ваше величество. Доска была замаскирована под настенное панно. Отчасти нам повезло распознать такую улику.

Я позвонил в колокольчик и снова явился дежурный офицер.

– Министра обороны – немедленно! Саббат, срочно закрыть порты империи по категории «три». Начать полномасштабные учения в шести флотах. Готовьте приказы по своему ведомству. Предупредите резидентуру в Рамбате, Пину, Вализе... активируйте лагерь десанта в Дереторе и у побережья Харанда. Этого говнюка сразу не берите, пускай подергается и накосячит, он узнает о моих приказах и попытается связаться с посольством... Главное, не дайте ему покончить с собой, когда поймет, что раскрыт. И надо выявить всю его сеть помощников на острове и в Империи. Он много знает. И должен все рассказать.

Я в бешенстве. Но не зол. Это рабочее состояние холодного рассудка. Но если б мне сейчас дали возможность стереть с лица земли Рамбат, я делал бы это медленно... Ничего, они еще попляшут. – Саббат, мы начинаем план – «Переход». Пакет с приказами у вас в сейфе.

Генерала сдуло с места.

Дежурный вернулся, убрал бокалы и бутылку, протер стол. Я ему сказал:

– Экстренное совещание совета министров сегодня на пять вечера. Оповестить всех. –

Он отдал честь и вышел.

Явился министр обороны.

– Добрый день, Ваше величество!

Поприветствовал меня адмирал Мирель Параведра. Мирель – имя и мужское и женское одновременно. И моего министра это конфузит.

– Здравствуйтесь, адмирал.

– Что-то случилось?

– Пока нет, адмирал, если б случилось, вы б получили приказ о мобилизации. – Это я так шучу. Адмирал оценил, улыбнулся.

– Но ведь есть причина для столь неотложного вызова, ваше величество?

– Несомненно, адмирал. Есть. Вам надлежит разослать флотам приказы...

– Я внимательно слушаю. – Параведра достал блокнот и приготовился записать. А я подошел к большой карте мира, раздвинул шторы и принялся указкой передвигать кораблики по морям.

– Первому и третьему флотам – блокировать подходы к империи в проливах. Проверьте и проведите суточные учения с фортами. Четвертому флоту подойти к территориальным водам Рамбата, но не пересекать черту. Ждать приказа. Пятому флоту занять оборону у Лиды. Держать воздух. Летающие шары есть не только у нас. Привлеките магов с военной кафедры академии. На трое суток перекрыть внутренние моря. Рыбакам сообщите – будет выдана компенсация за причиненный ущерб, думаю им приятно будет отдохнуть с семьями. – указка уперлась в небольшую островную группу на юге. – И еще адмирал – архипелаг Раавен – это особая

зона. Подготовьте транспорты во всех портах. Беспрепятственно может туда или оттуда ходить только моя яхта. Все понятно?

– Так точно, ваше величество. – адмирал озадачился, но виду не показал, как его удивил мой приказ. – Вы можете объяснить?

– Дорогой мой адмирал. – Я закрыл карту, подошел и обнял за плечи верного служаку, – в свое время. Сейчас – не могу. Я суверен. Выполните приказ. Да, и флотам передайте: в бой без крайней нужды не вступать, только в случае нападения. На провокации не реагировать. – У адмирала волосы приподняли фуражку. – Наша задача – не допустить войны. Но если они все-таки нападут – надо им надрать задницу, так, чтоб не повадно было впредь. Главное сейчас – оттянуть все их флоты и армии на южную границу Ханута.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.